

Т.В. Надозирная, Л.А. Скубачевская

Родион Раскольников

Родион Раскольников создал теорию, главное противоречие которой состоит в том, что, рожденная чувством потрясенной справедливости и желанием помочь униженным и оскорбленным, она в то же время признает последних «материалом», «орудием» для деятельности «Наполеонов», переступающих через этот «материал» «по совести». Топор Раскольникова обрушивается не только на «недостойную жить» Алену Ивановну, но и на ее сестру Лизавету — одну из униженных и оскорбленных. Рядом символических деталей Достоевский тесно связывает Лизавету и Соню: они дружили; Лизавета принесла Соне Новый Завет, из которого затем Соня прочтет Раскольникову притчу о воскресении Лазаря; они обменялись крестами, и, следовательно, на Лизавете был Сонин крестик; Сонины реакция на признание Раскольникова была точно такой же, как Лизаветы в роковую минуту: «он смотрел на нее и вдруг, в ее лице, как бы увидел лицо Лизаветы». Совокупность этих деталей свидетельствует о том, что Раскольников как бы убил Соню. Если бы герой был последовательным, то, согласно своей теории, должен был бы зачислить в «материал» дорогих для него мать и сестру. Он, в общем-то, переступил и через мать, потому что, узнав обо всем, она потеряла рассудок и умерла. Возникает своего рода цепная реакция зла, уже не планируемая Раскольниковым и не зависящая от него. Но такая цепная реакция логично вписывается в его теорию, в которой социальная «арифметика» заменена геометрической прогрессией:

«По-моему, если бы Кеплеровы и Ньютоновы открытия вследствие каких-нибудь комбинаций никоим образом не могли бы стать известными людям иначе как с пожертвованием жизни одного, десяти, ста и так далее человек... то Ньютон имел бы право, и даже был бы обязан устранить этих десять или сто человек...»

Речь в романе идет не о правых целях и дурных способах их достижения, а о том, что средства выявляют истинную суть цели.

На всем протяжении действия Раскольников остается убежденным в верности своей идеи. Он готов признать, что не выдержал проверки и оказался «вошью, как все», что избрал не те средства, но признавать содеянное преступлением он не собирается, потому что все в мире — «они» — поступают точно так же. На призыв Сони «страдание принять и искупить им себя» он жестко ответит: «В чем я виноват перед ними? Зачем пойду? Что я им скажу?.. Они сами миллионами людей изводят, да еще за добродетель почитают. Плуты и подлецы они, Соня!..» Когда Дуня говорит о необходимости страданием смыть преступление и пролитую кровь, Раскольников приходит в бешенство: «Которую все проливают, — подхватил он чуть не в иступлении, — которая льется и всегда лилась на свете, как водопад, которую льют, как шампанское, и за которую венчают в Капитолии и называют потом благодетелем человечества». Даже на каторге он признавал преступлением только то, «что не вынес его и сделал явку с повинной». Раскольников и на каторгу идет не потому, что разуверился в своей идее, а потому, что не может более выносить своего «уединения» и «отчуждения».

«Соня и любовь сломали» — сказано в черновых записях. Герой испытал любовь только тогда, когда пришло подлинное раскаяние:

«Как это случилось, он и сам не знал, но вдруг что-то как бы подхватило его и как бы бросило к ее ногам. Он плакал и обнимал ее колени. В первое мгновение она ужасно испугалась, и все лицо ее помертвело. Она вскочила с места и, задрожав, смотрела не него. Но тот час же, в тот же миг она все поняла. В глазах ее засветилось бесконечное счастье; она поняла, и для нее уже не было сомнения, что он любит, бесконечно любит ее и что настала же наконец эта минута...»